

ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ ДРАМЫ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ»

ДВЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. ПОПРАВКИ ТОЛСТОГО В ИЗДАНИИ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» 1887 г.

Сообщение В. Ф. Булгакова

В Яснополянской библиотеке Толстого, среди книг других авторов, имеется несколько сот изданий его произведений — как отдельных романов, повестей и рассказов, так и собраний сочинений, изданных в разные годы. Занимаясь описанием библиотеки, я обнаружил, между прочим, следующую книгу: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть. Драма в пяти действиях». Москва, тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887. 172 стр.

Это опубликованный С. А. Толстой и ставший каноническим текст «Власти тьмы», который без всяких изменений перепечатывался потом во всех изданиях этой драмы, не исключая Юбилейного издания (т. 26), а также последовавших за ним: Собрания художественных произведений. М., изд-во «Правда», 1948 (т. IX) и Собрания сочинений в 14-ти томах. М., Гослитиздат, 1952 (т. XI).

Экземпляр драмы издания 1887 г. находящийся в библиотеке, содержит ряд новых поправок рукой Толстого, поправок, очень строгих и тонких, часто значительно меняющих текст и всегда, как это было у Толстого при позднейших исправлениях написанного, улучшающих, совершенствующих этот текст.

К сожалению, нельзя сказать точно, когда именно эти исправления и дополнения были сделаны Толстым в тексте драмы, не только издававшейся, но и исполнявшейся всегда как в дореволюционное время, так и во всех театрах СССР, а также переводившейся на иностранные языки по *первоначальному, неисправленному* тексту. Никаких упоминаний об этих новых поправках ни в дневниках Толстого, ни в воспоминаниях окружавших его лиц нет. Но, поскольку из этих поправок видно, что автор сохранял еще живой интерес к пьесе, можно предположить, что поправки сделаны тотчас или вскоре по выходе отдельного издания 1887 г. (драма была написана в 1886 г.). Не исключено также, что Толстой вновь прочел и исправил текст драмы перед постановкой ее Московским Художественным театром в сезон 1902/03 гг. В начале переговоров о постановке пьесы Толстой особенно заинтересовался пожеланием актеров об объединении двух вариантов IV действия. Позже он говорил К. С. Станиславскому: «Напомните мне, как вы хотели переделать 4-й акт. Я вам напишу, а вы сыграете» (С. М. Брейтбург. Неизданные письма деятелей литературы и искусства к Л. Н. Толстому. — «Яснополянский сборник». Тула, 1955,

стр. 328). Ниже указывается, что при просмотре печатного текста один из вариантов IV действия был вычеркнут автором.

Всего в тексте «Власти тьмы» сделано 60 поправок и дополнений. Это прежде всего исправление случайных ошибок, исправление языка, введение новых ремарок и, наконец, изменения в действиях некоторых персонажей пьесы. Писатель добивается чистоты разговорного деревенского языка, вычеркивая иной раз городское, интеллигентское слово; подчас он выкидывает ту или иную народную поговорку, пословицу, почувствовав, что она искусственно введена в текст и не нужна там. Некоторые фразы выбираются как звучащие натуралистически. Иногда происходит сокращение текста во избежание повторений; иной раз, наоборот, вводится несколько слов с целью уяснения смысла речи действующих лиц.

Изменение действия осуществляется во имя психологической правдивости, по требованиям внутренней логики и для достижения большего соответствия с характером того или иного персонажа пьесы.

Так, благодаря как будто незначительным дополнениям и сокращениям в роли, изменяется характер Марины. Бывшая возлюбленная Никиты казалась несколько бесхарактерной, мягкотелой и жалкой. Два-три новых прикосновения гениального резца взыскательного художника освободили образ Марины от этих черт, сделав его более твердым, решительным и стойким. В последнем действии Толстым выкинута роль старосты. Располагается на сцене только урядник, оказавшийся в числе почетных гостей на свадьбе Акулины.

Почти против каждого исправленного места писатель ставит на полях нотабене, очевидно, с целью обратить внимание на это исправление, не забыть о нем. В одном-двух случаях нотабене стоят и против неисправленных мест. Это могло обозначать, что автор обратил внимание на данные места и собирался их исправить.

Интересно проследить, какие изменения внесены Толстым в текст «Власти тьмы». Наибольшее количество поправок и дополнений приходится, пожалуй, на роль Никиты.

Когда в 8-м явлении I действия Никита старается успокоить Анисью, подозревающую, что он собирается жениться, он говорит: «Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и погладиться не дается... Да ты чего?», тут Толстым добавлено, очевидно, с целью подчеркнуть задор Никиты: «Тпру, тпру. (Гладит)».

В том же разговоре с Анисьей после слов Никиты: «Меня и хозяин любит, и баба его, значит, любит», — добавлена ремарка «(Обнимает)».

В 9-м явлении I действия уточнена ремарка. Было: «Никита (нагибается, берет топор)». Исправлено: «(топор у двери, берет топор)».

В начале 14-го явления II действия к авторской ремарке, касающейся вошедшего Никиты («приходит с другой стороны...» и т. д.) добавлено: «кнут, кафтан и узда».

В том же явлении дополнена ремарка, следующая после слов Петра: «Микита, а Микита, подь-ка сюда». Раньше было: «Никита подходит. Анисья шепчется с Матреной». Теперь к словам «Никита подходит» добавлено: «близко, облакачивается на крыльцо».

В 18-м явлении II действия в разговоре с Матреной, узнав, что Иван Моисеич сочинил бумагу о приписке ее сына к другому крестьянскому обществу, Никита говорит: «Бумага, известно, приговор значит». Толстым исправлено: «Ну да я сразу понял, приговор значит».

В 15-м явлении III действия Никита говорит Анисье, несущей самовар: «Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори, да откусывай. Ну, будет сердчать-то». Слова «говори, да откусывай» зачеркнуты. Торопить или дразнить Анисью при желании помириться с ней, очевидно, не приходилось.

В 10-м явлении IV действия (монолог) Никита говорит об Анисье: «Участником в этих пакостях сделала, паскудница!» Слова эти вычеркнуты. «Участник», «участником сделала» — не деревенские, не крестьянские слова, и Толстой, по-видимому, почувствовал это при перечитывании пьесы в печатном виде.

Сюда примыкает другая фраза: «И опостылела же она мне с этого раза». Толстой было зачеркнул ее, но потом снова восстановил, подчеркнув волнистой линией.

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1902 г.

Действие IV, явл. VI («...пищит. Разве не слышишь?»). Матрена — А. И. Помялова, Никита — В. Ф. Грибунин

Фотография

Музей Московского Художественного театра

Далее следует сцена убийства ребенка (явления 13—14) при участии Никиты, Матрены и Анисьи. Эта сцена вычеркнута Толстым, очевидно, признавшим справедливыми замечания критики о том, что перекидывание ребенка с рук на руки, с описанием того, как Никита его «доской прикрыл, на доску сел», наконец, с рассказом самого убийцы о том, как «захрустят подо мной косточки» и т. д., является слишком натуралистическим, обнаженно-откровенным, безжалостно играющим на нервах зрителей.

В заменившей выпущенные явления 2-й сцены IV действия из слов Никиты, обращенных после убийства ребенка к Матрене: «Матушка, родимая, дошло, видно, до меня. Как запищит, да как захрустят эти косточки — кр... кр... не человек я стал», — звукоподражание «кр... кр...» вычеркнуто. Очевидно, также, чтобы избежать натурализма.

Да и несчастный отец, пожалуй, не решился бы «показывать», как хрустели косточки его ребенка.

В 1-й сцене V действия, в 4-м явлении в ремарке *«видит Марину, узнает»* добавлено: *«и подходит»*.

Имеются две поправки и в сцене покаяния (2-я сцена V действия). Никита говорит: «Батюшка! Ты здесь? Гляди на меня. Мир православный, вы все здесь и я здесь! Вот он я! (*Падает на колени*)». Толстым добавлено: «Убивец я!». Далее, отстранив урядника и кланяясь отцу в ноги, Никита говорит: «Говорил ты мне спервоначала, как я этой блудней скверной занялся, говорил ты мне: „коготок увяз и всей птичке пропасть“, не послушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему». Толстой вычеркивает слова: «как я этой блудней скверной занялся, говорил ты мне: „коготок увяз и всей птичке пропасть“», оставив только: «Говорил ты мне спервоначала, не слушал я, пес, твоего слова, и вышло по-твоему».

Характерно, что Толстой выкинул из покаянной речи Никиты пословицу, которую употребил в качестве подзаголовка пьесы. Им руководил здесь безошибочный такт художника: повторение в тексте сентенции сообщало бы сцене навязчиво-дидактический характер.

Исправления, внесенные в роль Никиты, не меняют характера этого действующего лица и лишь выправляют, уточняют в психологическом отношении его речь и действия. Иначе обстоит дело с ролью Марины, многочисленные, но значительные поправки в которой существенно меняют окраску этого образа.

При первой встрече с Никитой (действие I, явление 19-е) Марина спрашивает: «Так, вижу, бросить, позабыть хочешь?». Толстой вычеркивает надрывное «позабыть» из этой фразы и тем упрощает ее.

Никита кричит Марине: «Уйди, говорю, до худа доведешь». Та отвечает: «До худа? Что ж, меня бить будешь? Бей, на!» Толстой добавляет: «(*Близко подставляет ему лицо*)». Этой ремаркой усиливается драматизм сцены и подчеркивается решительность Марины.

После ее слов: «Что морду-то отворотил? Эх, Никита». Толстой вставляет ремарку: «(*Молчание*)». И это опять подчеркивает значительность сказанного Мариной и сильное впечатление, произведенное ею даже на такого самоуверенного и самовлюбленного парня, как Никита. Теперь только после молчания он откликается: «Известно, нехорошо, народ придет. А что ж попусту толковать».

«Так конец, значит, что было, то уплыло, — говорит Марина. — Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь девичью пуще глаза. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту (*плачет*), отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. Бог с тобой».

Реплика эта сильно сокращена, из длинной фразы, осталось только: «Так конец, значит. Позабыть велишь! Ну, Микита, помни. (*Плачет*)». В слове «плачет», стоящем теперь после точки, строчное «п» переделано на прописное.

Эти сокращения весьма примечательны. «Что было, то уплыло» — лишнее, не свойственное новой Марине подчеркивание, что она лишилась чего-то очень ценного. Возможно также, что Толстой не хотел злоупотреблять поговорками. «Берегла я свою честь девичью» — звучит каким-то бесцельным и запоздалым самолюбованием, какое новой Марине, очевидно, не свойственно. «Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту», — это звучало слишком жалостно. А Марина, хоть и потеряла любимого человека, но все-таки отнюдь не погибла, а нашла новую почву под ногами, новое удовлетворение — в уходе за чужими детьми и в помощи их старику-отцу. Так же неестественно было для нее, проявляя какое-то никчемное непротивленчество, заявлять обманщику: «Зла я на тебя не держу, бог с тобой!». Теперь Марина говорит Никите: «Лучше найдешь — позабудешь,

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОЛСТОГО
НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ ДРАМЫ
«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» (М., 1887):

«Лизавете Ивановне Менгден в знак
дружбы от автора»

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

хуже найдешь — вспомняешь. Вспомняешь, Никита! Прощай, коли так». И это повторное: «Вспомняешь, Никита!» — звучит уже почти как угроза.

Только теперь приобрел смысл и тот выкрик, которым, стоя в дверях, закончила эту беседу девушка: «Зверь ты! Не даст тебе бог счастья!»

От сентиментальной, плаксивой, растерянной и жалкой Марины такого выкрика ожидать не приходилось.

В 3-м явлении 1-й сцены V действия Марина говорит: «Позарился на прокладную жизнь. Меня променял». Слова «меня променял» Толстым вычеркнуты.

Наконец, отметим поправку в 4-м явлении той же сцены. Выслушав жалобы Никиты на свою судьбу и его восклицание: «Что ж мне с своим сердцем делать? Куда деваться-то?», — Марина отвечала: «Чего делать-то? Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги». Толстой вычеркивает слова: «Жена у тебя есть, на других не зарься, а свою береги». В задушевной беседе дидактизм, выраженный в форме поговорки, показался, очевидно, писателю неуместным. Осталось только: «Чего делать-то? Любил ты Анисью, так и люби». Так — строже, проще и в то же время человечнее, великодушнее, и это вполне в характере той Марины, какая предстает теперь перед нами после поправок Толстого.

Отметим исправления в ролях Митрича и Анютки.

В III действии, в самом начале 3-го явления, Митрич, после общего молчания, *рычит* и восклицает: «О, господи! Микола милословый». Тут к ремарке «*рычит*» добавлено: «*кашляет*».

В явлении 5-м того же действия Митрич, объясняя Акиме и Анисье устройство банков, говорит: «а у меня, примерно, <...> сеять нечем, али податишки, что ли». Тут ошибка переписчика в чтении авторской рукописи, одна из тех досадных ошибок, которые, раз вкравшись в текст, часто остаются в нем на десятилетия, переходя из издания в издание (она вошла и

в Юбилейное издание — т. 26, с. 181). Толстой исправляет эту ошибку: «а у меня, примерно, <...> сеять нечем, али податишки стали» — стали, т. е. не платятся. Определенное «стали» вместо неопределенного «что ли» придает фразе законченный смысл.

В той же реплике Митрича говорится: «Аким, говорю, дай красненькую, а я уберусь с поля, тебе к Покрову отдам да десятину уберу за уваженье». Слова «десятину уберу за уваженье» вычеркнуты, и конец фразы изменен так: «да приплачу, сколько положишь». Там же в словах: «...Два ли, три ли рубля отдай за уваженье, да и всё» — «да и всё» зачеркнуто и сверху надписано: «бери». И дальше, в предложении: «Ладно, говорю, беру десятку», — слова «беру десятку» зачеркнуты.

Все эти изменения, очевидно, имеют целью внести большую ясность в изложение Митричем сути банковских операций.

В следующей реплике Митрича: «А коли, примерно, нет у меня ни пиша, жрать нечего, ты, значит, разметку делаешь», — вычеркнуты два слова «жрать нечего», — возможно, как грубо звучащие.

В сцене с Анюткой (вариант действия IV, сцена 2-я, явление 3-е), после слов Митрича: «Сашка, а хороша была», — добавлена ремарка: «*(Встает, садится)*».

Любопытные ремарки добавлены к роли Анютки.

18-е явление I действия: Анютка убегает и сообщает Никите, что его хочет видеть Марина. Далее происходит объяснение Никиты в любви к Акулине. Раньше эта сцена происходила в присутствии девочки. Потом Толстой, очевидно, заметил, что это неудобно и психологически неправдоподобно, и вот он заставляет Анютку выбежать из избы, а потом, после окончания разговора между Никитой и Акулиной, вбежать снова.

Именно, после передачи Анюткой слов Марины, что на Акулине хотят женить «Микиту», Толстой приписывает: «*(убегает опять)*». Когда же Акулина «*уходит в чулан*», Анютка снова «*вбегает*»; как приписано автором. И так, выходит, конечно, естественнее. В самом деле, может быть, потому только Никита и заговорил о любви, что девочки не было в избе, а иначе до объяснения на этот раз, пожалуй, не дошло бы.

Тут же изменены слова «вбегающей» Анютки. Раньше было: «Никита! Глянь-ка. *(Глядит в окно)*. Идет. Однова дыхнуть, она. Я уйду. *(Уходит)*». Теперь осталось: «Никита! Идет. Однова дыхнуть, идет. *(Уходит)*».

В 10-м явлении II действия снова фигурирует убегаящая Анютка: «Только платок возьму, а я сейчас», — говорит она. И дальше стояло: «*убегает*». Теперь к этому добавлено: «*на ходу повязываясь платком*».

Сцена 2-го варианта действия IV, явление 1-е. Разговор Анютки с Митричем,

Митрич хочет потушить лампу. «Анютка *(вскакивает, садится)*. Дедушка, не туши, голубчик!». Взыскательный художник ставит запятую после слова «садится» и приписывает: «спокойно» (т. е. говорит спокойно). И вы чувствуете, что в этом с трудом соблюдаемом спокойствии у Анютки скрывалось страху больше, чем она могла это выразить словами. К тому же держась спокойно, лучше можно было и преодолеть этот страх. Девочка чувствовала это инстинктивно.

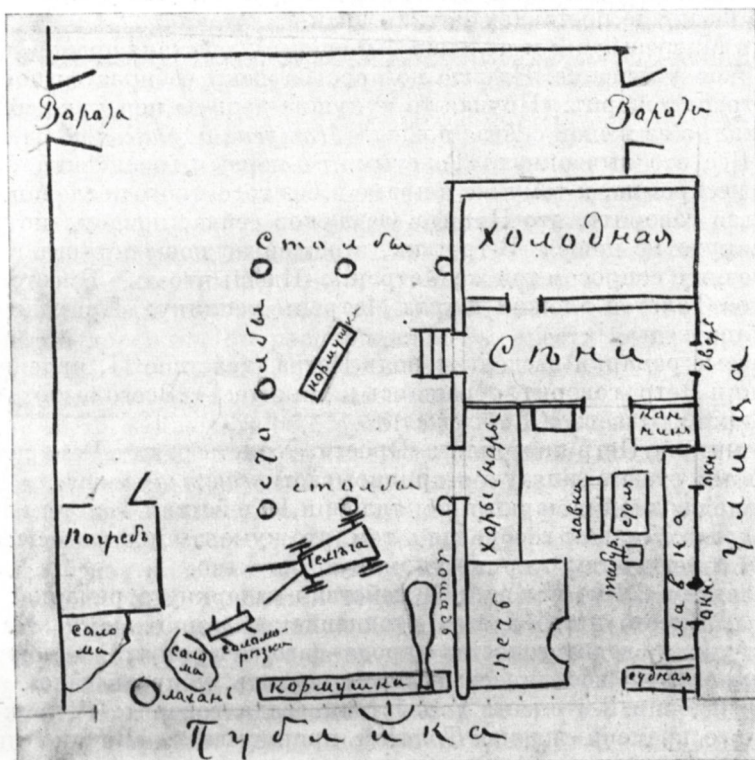
И дальше, после того, как Митрич говорит: «А я вот заверну свет», а Анютка просит: «Дедушка, золотой! Не гаси совсем. Хоть в мышиный глазок оставь, а то жуть», — Толстой опять после имени Анютки ставит в скобках: «спокойно». Эти два «спокойно» надо уметь оценить!

В том же явлении в словах Анютки и Митрича Толстой пять раз исправляет «копают» на «копають», как это произносят тульские крестьяне.

Аналогичные поправки встречаем и в других местах: «клонить» вместо «клонит» (реплика Матрены в 10-м явлении I действия), «велить» вместо «велит» (реплика Анисы там же), «веселить» вместо «веселит» (реплика

Акима в 12-м явлении I действия). Наборщик, очевидно, не мог себе представить, чтобы ставился мягкий знак на конце глагола. И вот ошибка утвердилась на семьдесят лет.

Одна смысловая ошибка исправлена в реплике Анютки, в 6-м явлении 1-й сцены V действия. Никита в тоске лежит на соломе. Матрена, Анисья зовут его в избу — благословлять молодых. Немного раньше прибегает Анютка: «Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Все уже, — и крестный, —

ПЛАНИРОВКА IV ДЕЙСТВИЯ ДРАМЫ «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» К ПОСТАНОВКЕ
В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ, 1902 г.

Рисунок К. С. Станиславского в режиссерском экземпляре драмы
Музей Московского Художественного театра

благословили». В чем же тут ошибка? В том, что Никиту зовут благословлять и тут же ему сообщают, что уже благословили. Толстой зачеркивает слова: «Все уже, — и крестный, — благословили» и надписывает сверху: «Уж и жених приехал». Далее он зачеркивает второе «благословили» и над ним надписывает: «приехал». Получилось: «Батюшка, а батюшка! Тебя ищут. Уж и жених приехал. Однаво дыхнуть, приехал». Несообразность устранена.

Обратимся к двум-трем поправкам в роли Анисьи.

В 9-м явлении 1-й сцены V действия выпившая Анисья выходит из избы со свадьбы и, видя мужа на соломе, говорит: «Вишь куда, в солому забрался. Аль хмель изнял? (Смеется). Полежала б и я с тобой тут, да неколи. Пойдем, доведу. А уж как хорошо в доме-то! Лестно поглядеть. И гармония!» Фраза «Полежала б и я с тобой тут, да неколи» вычеркнута. Очевидно, Толстой нашел ее грубой, неуместной. Вычеркнуто также: «И гармония!». В том же явлении Анисья говорит: «Все благодарят. И гости

все хорошие». Толстой вычеркивает слова «И гости все хорошие» и вместо них пишет: «Приходи же благословлять: заждались».

В роли Акима изменена одна фраза в 13-м явлении I действия. Аким спрашивает у Никиты: «Обвязался ты с девкой, значит, то есть обвязался ты с ней, значит?». Толстой меняет эту фразу: «Обвязался ты с девкой, значит, то есть, тае, значить, с девкой, значить?» Так выходит забавнее и невнятнее, еще скромнее, чем раньше, и это более отвечает поведению и речи Акима. Подчеркиваем, что в слове «значить», употребленном трижды, везде на конце поставлен мягкий знак.

В роли Матрены, в 9-м явлении 1-й сцены V действия произведено одно существенное изменение. Никита по просьбе жены собирается пойти в избу, и Матрена говорит: «Ночная-то кукушка денную перекуковала. Меня не послушал, а за женой сейчас пошел. (*Матрена и Анисья идут*). Идешь, что-ль?» Все это вычеркнуто Толстым. Во-первых, пословица о ночной кукушке нескромна, к тому же в драме и без того много пословиц. Во-вторых, нельзя говорить, что Никита «за женой сейчас пошел», потому что он еще никуда не пошел. В-третьих, это «сейчас пошел» стоит в прямом противоречии с вопросом той же Матрены: «Идешь что-ль?» Вместо вычеркнутых слов Толстой вложил в уста Матрены реплику: «Приходи же, касатик. Надо ведь».

Две новые ремарки введены в роль Петра (действие II, явление 14-е). Умиравший Петр говорит, обращаясь к Никите: «...Всего было. Прости». Толстой приписывает: «(*Кланяется*)».

Через минуту Петр повторяет: «Прости, Христа ради». Реплика: «*Плачет*». Толстой ставит запятую и приписывает: «*еще кланяется*».

В начале вводной ремарки в 7-м явлении II действия Толстым вписано: «*Слышен крик*». Дальше говорится о том, что кума «*прислушивается к крику в избе*», а между тем о крике упомянуто не было.

В последнем (24-м) явлении II действия зачеркнута ремарка: «*Народ приходит*». Вместо этого дается уточнение: «*Старик, сосед, две бабы*». И дальше уже не «один голос из народа» (это зачеркнуто), а «одна баба» (надписано сверху) восклицает: «Старух позвать, убирать надо».

В 1-м явлении 2-й сцены V действия сваха говорит: «Что ж долго? Уж с какого времени ждем». Толстой приписывает: «Видано ли дело, и жених приехал».

Во 2-м явлении той же сцены, после слов Анисьи: «Батюшки родимые! Да что ж он разутый?!» — приписано: «(*Народ ахает*)».

Из всего этого ясно, что чтение Толстым печатного текста драмы было новой, последней стадией ее художественной обработки. Поправки, дополнения и сокращения коснулись и языка, и содержания, и ремарок пьесы на всем ее протяжении.

Едва ли оправданным является поэтому решение Н. К. Гудзия, редактировавшего «Власть тьмы» в Юбилейном издании и знавшего о найденных мною поправках в печатном тексте драмы, не вводить этих поправок в основной текст издания (перечень поправок опубликован там же — т. 26, отдельно от текста драмы). Мне кажется, что Н. К. Гудзий недооценил изменений, внесенных Толстым в пьесу. Он считал, что «исправления не проведены однако систематически» и что, «судя по тому, что четыре последние явления четвертого действия в основной его редакции зачеркнуты и вместо них оставлен вариант конца действия, а также судя по значительному количеству добавленных ремарок, исправления имели в виду приспособление драмы к сценическому ее использованию» (т. 26, с. 720).

Если бы даже это было так, то и тогда непонятно, почему же новые и безусловно принадлежащие Толстому поправки и дополнения не должны быть введены в текст драмы. Но мы видели, что поправки автора имеют гораздо более широкий характер. К тому же, вопреки мнению Н. К. Гуд-

зия, исправления проведены именно *систематически*, по всем пяти действиям драмы и в отношении всех (восьми) главных действующих лиц, за исключением одной только Акулины. Просмотрены и роли второстепенных лиц (староста, сваха). Раскрыто содержание термина «народ» как собирательного лица.

То, что Толстой совсем зачеркнул первую редакцию сцены с убийством ребенка, относится столько же к чисто сценическому, сколько и к литературному, художественному воплощению драмы. Очевидно, что Толстой, убедившись окончательно в непригодности этого варианта, решил совсем отбросить его, как он часто отказывался от множества иногда очень ценных и тщательно разработанных, но нарушавших общую структуру произведения вариантов.

В конце статьи о драме «Власть тьмы» Н. К. Гудзий говорит: «Поправки, сделанные Толстым в экземпляре драмы издания 1887 г., не считаем возможным внести в окончательный текст по следующим основаниям. Ниоткуда не видно, что эти поправки свидетельствовали о серьезном намерении Толстого внести изменения в текст пьесы. В ряде случаев они не выдержаны и не доведены до конца, — там, например, где Толстой делает исправления в речах действующих лиц. Кроме того, если бы этими поправками Толстой дорожил, он распорядился бы внести их в последующие издания драмы, чего, однако, не сделал» (т. 26, с. 726).

Рассуждение это едва ли основательно.

Прежде всего, заключать об отсутствии у Толстого «серьезного намерения внести изменения в текст пьесы» не приходится, когда изменения эти уже внесены. Или Н. К. Гудзий предполагает, что это было сделано Толстым без серьезного намерения? Но где же основания для такого предположения? Разве не известно, с какой исключительной серьезностью относился Толстой как к созданию новых текстов, так и к внесению в них поправок? Так же представляется непонятным, почему поправки, видимо, глубоко продуманные и отлично укладывающиеся в текст драмы, кажутся Н. К. Гудзию «в ряде случаев не выдержанными и не доведенными до конца», в частности, там, где Толстой «делает исправления в речах действующих лиц». При сопоставлении поправок со старым текстом можно видеть, как благодаря им всюду психологически углублялся, уточнялся или сокращался этот текст, всегда в интересах драмы как целого. Отрывочного или незаконченного характера новые поправки Толстого не имеют.

Что касается отсутствия авторского распоряжения о внесении поправок в последующие издания драмы, то мы вправе утверждать только то, что нам о таком распоряжении неизвестно, но это еще не значит, что его не было. Письменных распоряжений такого рода (о внесении в новые издания того или иного произведения каких-нибудь поправок или дополнений) Толстой никогда не делал. Устное же распоряжение по забывчивости, неопытности или небрежности тогдашних его секретарей и редакторов (в 80-х годах ими были только члены семьи писателя — жена, дети) могло быть случайно не выполнено.

Вероятнее же всего, что Толстой, прочитав весь текст драмы и внеся в него новые поправки, тем самым считал свою роль выполненной и, как это с ним часто бывало, особенно во вторую половину жизни, уже не прикладывал новых усилий к тому, чтобы исправления его были своевременно использованы и опубликованы. Экземпляр с поправками существовал, и в этом Толстой видел гарантию, что рано или поздно поправки эти увидят свет.

Таким образом, мы приходим к выводу, что новые поправки Толстого в тексте драмы «Власть тьмы» очень ценны, вполне целесообразны, проведены по всей пьесе и поэтому должны быть учтены как литературоведами, так и режиссерами при постановке пьесы на сцене.